

Я. К. Г р о т у

Мне очень трудно исполнить Ваше желание, многоуважаемый Яков Карлович, трудно ответить на вопрос: что послужило мне источником для создания моей «трагедии», для изображения этого множества лиц, которые ее наполняют? Очень просто и совершенно справедливо было бы ответить «не знаю» — но меня самого занял Ваш вопрос и мне хочется выяснить его. Обращаюсь прежде всего к истории и характеру моего знакомства с древним миром. Конечно, первое знакомство началось с минуты, как только я стал учиться по-латыни; учился же я не по-нынешнему, не столько упражнениями в латинском писательстве, а просто переводами с латинского. Готовясь к университету (поступил 16-ти лет), я перевел письменно всего Саллюстия, и Катилину, и Югурту¹, и три речи Цицерона. Сначала переводил по полустраничке в день, а под конец и по 4 и по 5. Засим дальнейшее знакомство с римлянами доставили мне лекции римского права проф. Шнейдера; в его преподавании эта считаемая всеми сухая материя оживлялась введением живых лиц Кайев и Семпрониев, и вообще драматизацией всего им излагаемого. Говоря, напр<имер>, о комициях, он рассказывал, как Кай встал, умылся, оделся, взял свои таблетки, как встретил его квестор, как вышел трибун и пр., как наконец он дал свой голос (tulit punctum) и наконец пошел обедать. Прибавлю к этому, что я же и составлял сам записки по римск<ому> праву, которых половина состояла из латинского текста. Вообще наши занятия римск<им> правом у Шнейдера представляли что-то особенное. Наш тайный император был как бы где-то скрывающийся Юстиниан². Законоведы Гай, Ульпиан и «знаменитый» Трибониан³ представлялись нам как некий таинственный трибунал или троика каких-то полубогов, которым мы, студенты, приходили со страхом и трепетом творить наши поклонения, предводимые главным жрецом своим, почтенным Вас<илием> Васильевичем Шнейдером⁴. Да, богатый материал фактов и картин доставил мне этот культ, а основательное знакомство с римским законом — я помню мы это тогда не сознавали — доставило значительную устойчивость нашим суждениям⁵. Я помню, мне всегда казался чем-то неполным, недоконченным человек, не учившийся римск<ому> праву. Так мы, юристы, смотрели на студентов других факультетов, на филологов и математиков. Я оговариваюсь: мы, *тогдашние* юристы, в отличие от нынешних, мы тогда не готовились в адвокаты и к злоупотреблению мысли и слова⁶. За этим следует путешествие в Рим, где я прожил почти год (1842—43). Тут, во-первых, Рим сам по себе, его топография, памятники, развалины. С особенным усердием занялся тут Тацитом, Светонием, Виргилием. Учить меня по-итальянски ходил ко мне D-г Nersolani, страстный археолог, который в воскресенье рано утром возьмет, бывало, un po' di pane, di salame et del ooglio * в карман, а подмышку Виргилия и уйдет до ночи в Кампанию⁷ проверять на месте рассказы поэта. Доктор, должно быть, был плохой, ибо практиковал больш<ую> часть жизни в Константинополе и, кажется, все лечил кровопусканием. Но читать классиков и гулять с ним было весело. Это была одна сторона моей жизни в Риме, с другой были — мир искусств, их история, итальянская литература, и рядом со всем этим — веселые кутежи русских художников в Риме.

По возвращении домой стал я писать: явились «Очерки Рима», рассказы в прозе⁸ и пр. и уже стали мелькать впереди «Три смерти»⁹. Как я думаю, что это был прямо результат чтения Тацита. Потребовался тут и

* Немного хлеба, салами и растительного масла (и. т.).